

Татьяна
Григорьевна
Долгопятова

Либеральный экономист с высокой степенью здорового смысла

Я окончила отделение экономической кибернетики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В дипломе студентам присваивали квалификацию «экономист-математик», в отличие от выпускников отделения политической экономики, где готовили «преподавателей политической экономики». Проблем с математикой не было, я получила красный диплом всего лишь с одной четверкой (и не во вкладыше, а в зачетке). Однако от моделей, которыми нас пичкали, к тому времени устала — и главное, не видела особой их связи с реальной экономикой, хотя среди лучших преподавателей были веду-

щие сотрудники Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) Академии наук СССР.

Поэтому я поступила в аспирантуру по специальности «экономика промышленности» на кафедре со странным по нынешним временам названием «Экономика социалистической промышленности», возглавляемую профессором Г.А. Егiazаряном. Он читал у нас лекции и вел семинары на третьем курсе, и еще тогда проблемы экономики предприятий показались мне интересными. Пусть исследования и рекомендации, которые разрабатывала кафедра, не всегда отражали реалии, во многом и по цензурно-политическим соображениям, но ее работы стояли ближе других к тому, что происходило на советских предприятиях и в советских министерствах. Во всяком случае, тогда я «живьем» увидела и услышала капитанов промышленности: на заседаниях кафедры, при обсуждении проектов и отчетов, на конференциях.

Окончила аспирантуру, получила распределение в преподаватели так называемого Завода-ВТУЗа при ЗИЛе. Признаюсь честно, преподавательская работа меня тогда не привлекала. Вдруг узнала, что освободилась ставка младшего научного сотрудника в ЦЭМИ, куда я всегда стремилась, и от распределения удалось ускользнуть путем нехитрых административных шагов. После собеседования меня взяли на работу в Отдел автоматизированных систем управления, который был вскоре преобразован в Отдел оптимизации отраслевого планирования. Так я вернулась «в лоно» экономистов-математиков, проработав в ЦЭМИ более 13 лет, а весной 1991 г. перешла в Институт экономической политики при АНХ СССР¹, созданный Е.Т. Гайдаром.

¹ Ныне Институт экономики переходного периода.

* * *

Примерно в 1984 г., когда в промышленности проводили так называемые экономические эксперименты (косметические попытки добиться улучшения деятельности предприятий путем внедрения принципов хозрасчета), ЦЭМИ получил задание оценить эффективность экспериментов на примере изучения нескольких лучших предприятий. Тогда были образованы две рабочие группы, причем вне жестких рамок отделов и лабораторий, и одну из них возглавил Евгений Григорьевич. Моя тогдашняя лаборатория делегировала меня в эту группу. В ее составе я в 1984—1985 гг. работала на одном из электротехнических предприятий в Москве, а затем, с подачи Евгения Григорьевича, аналогичные прикладные исследования были продолжены как инициативные проекты на других предприятиях. Так и возник наш контакт — сначала деловой, а потом и человеческий, причем именно тогда и определился предмет моих научных исследований на долгие годы.

Цель работы в 1984—1985 гг. первоначально звучала так: исследовать, какое влияние оказывают эксперименты в промышленности на деятельность предприятий. А с 1986 г., когда началась перестройка, была поставлена более широкая цель: определить направления реформирования предприятий на основе реальной информации о процессах принятия решений, с учетом интересов руководства и работников предприятий.

Замечу, что получение такой информации было делом сложным. Попасть «с улицы» на предприятие было невозможно, поэтому многие прикладные исследования делались в рамках рабочих групп министерств или Госплана, по заданиям Комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма при этом ведомстве. А опубликовать результаты исследования можно было лишь по специальному разрешению. Эти результаты фигурировали в научных отчетах, в материалах «для служебного пользования». Главное, мы приобретали бесценный опыт общения с менеджмен-

том предприятий, изучения их внутренних документов, отчетности. Это были первые шаги от нормативного описания работы предприятия (на основе законов и нормативных актов) к дескриптивному подходу — анализу реальной экономической практики на микроуровне, включая и мотивации экономических агентов.

В 1986 г. Евгений Григорьевич стал руководителем нового отдела в ЦЭМИ, и я перешла непосредственно в его лабораторию. Дело было так. «Зависнув» на много лет в должности младшего научного сотрудника, я решила, наконец, покинуть ЦЭМИ и перейти в другой институт Академии наук на более высокую должность и, естественно, иную тематику работы. Евгений Григорьевич об этом узнал. Он встретил меня в коридоре и спросил: «Неужели тебе не интересно заниматься тем, что происходит на предприятиях? Изучать, как надо реформировать промышленность? Давай, переходи-ка ко мне в лабораторию, отдел у нас новый, будут новые ставки, так что повышение получишь здесь и через пару месяцев». Я и перешла, о чем нисколько не жалею (хотя ожидаемый статус старшего научного сотрудника был получен через полтора года). Но это был отложенный лотерейный билет, потому что именно работы конца 1980-х гг. по инициативе и под руководством Евгения Григорьевича и стали основой будущей перспективной области исследования — анализа экономического поведения предприятий. Если бы не эти работы, не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая «научная судьба»: осталась бы я вообще среди ученых в 1990-е гг. или была бы сегодня банковским клерком...

* * *

Где-то году в 1988-м, после того как Евгений Григорьевич познакомился теснее с новосибирскими социологами (часть из которых уже

тогда перебралась в Москву), он загорелся идеей применения опросных методов в изучении предприятий. Как раз тогда в лабораторию пришли работать несколько интересных ребят из МГУ — С. Алексащенко, С. Зенкин, В. Малинка, П. Теплухин, несколько позже появился А. Яковлев.

Молодые коллеги много времени уделяли анкетированию работников предприятий. Было два вида вопросников: анкеты для руководства и для работников. Первый вид анкет был направлен на изучение специфического общественного мнения — мнения директоров. Насколько я помню, в анкете спрашивалось о видении директорами основных направлений экономической реформы: введения госзаказа вместо плановых жестких заданий, установления прямых хозяйственных связей с контрагентами, расширения свободы в ценообразовании (в СССР все цены устанавливались сверху и на много лет, а в розничной торговле на любой упаковке была намертво напечатана цена). В основном речь шла о мерах так называемой «радикальной экономической реформы», начавшейся в 1988 г. и направленной на расширение самостоятельности государственных предприятий.

Собственно, результаты анкетирования ясно показывали высокопоставленным хозяйственным и партийным руководителям оценки и мнения директорского корпуса промышленности о путях развития экономики и преобразованиях, к которым стремились основные игроки нарождающегося «бизнеса». Конечно, деталей не помню, но подавляющее большинство директоров рассчитывали на углубление реформы, на движение к рынку, включая и приватизацию предприятий.

Правда, тогда, в конце 1980-х гг., респонденты не особо задумывались о том, что оборотной стороной свободы в рыночных условиях становится ответственность, необходимость самостоятельной рыночной политики и работы в условиях ужесточающихся финансовых ограничений

(то, что пришлось осознать в 1990-е гг.). Слово «маркетинг» никто не знал, сбыт продукции был задачей Госплана и советских министерств — и лишь потом стал головной болью самих предприятий. А финансировались предприятия в советское время через субсидии бюджета и практически бесплатные государственные кредиты, которые часто списывались. Не возникало даже теоретически возможности банкротства. Предприятие могли закрыть (реорганизовать) только по решению вышестоящих органов, а не по причинам финансовой несостоятельности. Ответственность была персональная, подкреплённая членством в партии, — ее несли директора предприятий в иерархической системе управления.

Второй круг опросов был связан с анкетированием рядовых работников. Это были очень простые анкеты, также связанные с оценкой преобразований в деятельности предприятий и с желаемыми изменениями.

Все анкеты рассылались по заданиям комиссии Госплана, их заполняли, а проблема отказа, присущая опросам, в то время не возникала. Директора брали под козырек, общаясь с вышестоящими организациями, да и опросы — это было что-то новое, интересное, у руководителей в условиях перестройки появился шанс «быть услышанными наверху». Что касается работников, то их участие в опросе обеспечивали уже директора соответствующих предприятий.

В лаборатории мы имели возможность контактировать напрямую с работниками предприятий, министерств и ведомств, а значит — и получать, как бы теперь сказали, инсайдерскую информацию, которую тогда нельзя было найти ни в учебниках, ни в научных публикациях, ни в СМИ. Некоторые предприятия изучались особенно глубоко. Лично я ездила в составе рабочих комиссий Госплана на передовые предприятия с изучением опыта (сейчас это бы назвали «истории успеха»). Обычно в комиссию входили

два представителя Госплана и два независимых эксперта из научно-исследовательских институтов. Работа была очень интересной. По существу, наши отчеты были небольшими кейсами, в которых использовались и отчетность предприятия (министерства), и интервью с его руководителями высшего уровня и среднего звена. Публиковать такие кейсы было невозможно, потому видимым результатом этой работы стало создание методик по анализу изменений в деятельности предприятий в условиях реформ.

* * *

В 1990 г. комиссия при Госплане была преобразована в Комиссию по экономической реформе при Совете министров СССР. Ее статус резко повысился, она стала отдельным государственным органом. Считалось, что комиссия будет заниматься стратегическими вопросами реформы. Там работали и профессиональные чиновники, и ученые. Возглавил комиссию академик Л.И. Абалкин, и Е.Г. Ясин перешел на эту новую работу.

Нам, его сотрудникам, было любопытно, сможет ли Евгений Григорьевич стать чиновником, будучи выходцем из научной среды. Оказалось, что может, и не только тогда, но и позднее, когда он занял пост министра экономики. Конечно, свою роль сыграли внешние условия: в России появился спрос на новый тип руководителей, с иным уровнем знаний и интеллекта, стремящихся к реформам. Но явно сказались и персональные качества. Еще в ЦЭМИ было видно: Ясин — трудоголик, увлекающийся человек, чего нельзя было сказать обо всех сотрудниках академических институтов, даже высокого ранга. Если шефу интересно, он готов был работать дни и ночи. А это, вместе с желанием перейти к кардинальным реформам, явно помогло в преодолении тягот постоянной занятости и по-

дотчетности чиновника, жесткой дисциплины с необходимостью быть на работе с 9.00.

Еще у Евгения Григорьевича, по-моему, легкий и оптимистичный характер: он не только верит в лучшее, но и всегда открыт окружающим. Очень важно для руководителя такого ранга и с интересом встречать чужие предложения, и доводить свои идеи до подчиненных, уметь делиться знаниями. При этом речь не идет о преподавании в классическом смысле — это скорее годится для молодежи, а не чиновничества. Я не училась у профессора Ясина, но помню его прекрасные выступления на семинарах и ученых советах ЦЭМИ. Евгений Григорьевич — прекрасный оратор, и главное, он может простым языком говорить о сложном, избегая излишнего наукообразия. Это явно привлекло к нему симпатии многих министерских чиновников: в 1990-е гг. шло обновление корпуса, да и традиционные представители этой когорты понимали необходимость переучивания и изменений. Здесь способ, которым Ясин делился знаниями, — во время работы, в общении, мягко отдавая распоряжения, а не стоя на трибуне и не вещая или приказывая сверху, — был принят с симпатией взрослыми его подчиненными. Делался такой ликбез легко, доходчиво. Я сама видела чиновников «старого образца», которые с удовольствием его слушали и понимали, а потом становились проводниками его реформаторских идей.

Такой способ обучения вырастает из лучших привычек академической среды — на семинарах, при рабочих обсуждениях; причем в ЦЭМИ, например, это происходило без цензуры. Традиция подобных семинаров в институте шла от математиков и была принята экономистами. В институте в любом отделе проводились еженедельные семинары, где обсуждались завершенные и незавершенные исследования, черновые предложения. Отвлекаясь, скажу, что эта традиция отчасти была прервана в 1990-е гг.,

и сегодня мы перешли к формату конференций, где обычно докладываем завершённые работы и проекты, а времени на промежуточные семинары часто и не остается.

* * *

В связи с этим расскажу о «посиделках» в нашей лаборатории во времена, когда Е.Г. Ясин постепенно «двигался» в сторону Комиссии по экономической реформе. Днём в определенное время все сотрудники вместе садились пить чай (была такая традиция), а Евгений Григорьевич прибегал и быстро рассказывал, какие проекты реформ и законов обсуждаются, в чем их плюсы и минусы, какие новые идеи предлагают коллеги, что есть на сей счет в зарубежных странах. Обсуждая все это, мы иногда не соглашались друг с другом, спорили. Этот свободный поток информации, открытость обсуждений до сих пор вспоминаются. Правда, в те благословенные времена объем работы исследователя был не столь велик, а заработная плата твердая, так что больше времени оставалось, чтобы думать и дискутировать, помогать коллегам и получать от них помощь в работе.

Определенным плюсом не только лаборатории, но и института была дружеская обстановка, свобода мысли и графика работы, невысокая степень подотчетности, возможность заниматься большую часть времени тем, что интересно (но и возможность откровенно сачковать тоже). Даже начальство ЦЭМИ считало неприличным заставлять людей работать. Потому эти плюсы для кого-то переходили в минусы. Некоторые в итоге переставали быть научными сотрудниками, хотя преуспевали в воспитании детей или своих хобби, и появлялись на работе два раза в неделю, чтобы полить цветы и попить чай с коллегами. От них почти ничего не

требовали за гарантированную, хотя и невысокую зарплату. Правда, в конце 1980-х гг. молодые сотрудники привнесли новые мотивации своего времени: надо быстро делать карьеру или заработать.

Евгений Григорьевич постоянно приносил новые темы для исследований, причем интересные с точки зрения как предметной области, так и применяемых методов. Поэтому, когда с 1991 г. стало возможно проводить опросы руководителей предприятий, собирать информацию на микроуровне, то из его идеи выросли работы, которые я делала в 1990-е гг., а затем и моя докторская диссертация.

Были ли тогда проблемы в лаборатории? Были, хотя об этом, может быть, и не всегда говорили, но за давностью лет их можно раскрыть. Прежде всего, как и многие руководители, Ясин часто не задумывался о сроках выполнения работ и не всегда реально их оценивал. Когда я получала задание на три дня (или недели), которое по-хорошему требовало трех недель (или месяцев), это было «ой-как-сложно». Не оставалось ничего другого, как пререкаться и спорить (опция быстрого писания некой халтуры не радовала), в итоге рано или поздно удавалось отбить право назначать самой более реалистические сроки, но вот нарушать их было нельзя.

В самом конце 1980-х гг. появились финансовые вопросы, когда возникли возможности вторичной занятости на стороне. Надо сказать, что в ЦЭМИ образца 1960—1970-х гг. был принят стиль взаимоотношений «никого никогда ни о чем не просить», а при недовольстве — просто голосовать ногами. Молодое поколение пришло другим, они хорошо и быстро работали, четко артикулировали свои запросы. Но я до сих пор вспоминаю высказывание Евгения Григорьевича середины 1980-х гг. о своем отделе. Мол, есть люди, которым сколько ни плати, они все равно хорошо и много работать не будут (ФИО он политкорректно не упомянул), а дру-

гие в любом случае будут хорошо работать, платят им или нет. Рынок расставляет все на места, и, оказавшись во ВШЭ, я поняла, что свои взгляды на вознаграждение квалифицированным работникам научный руководитель университета (к счастью для его сотрудников) несколько изменил.

* * *

Следующий этап совместной работы с Евгением Григорьевичем — это 1991—1992 г., когда он уже был директором Экспертного института РСПП. Он финансово и организационно поддержал нашу небольшую группу (включая коллег из правительственного Рабочего центра экономических реформ) в проведении эмпирических исследований предприятий с использованием опросов их руководителей. Тогда — для выявления стратегий их адаптации к изменяющимся переходным условиям — и были сделаны первые в российской практике формализованные опросы и интервью с директорами государственных предприятий. Их результаты вошли в доклады Экспертного института начала 1990-х гг. Через пару лет мы с коллегами перенесли этот опыт на изучение нового частного и малого бизнеса.

С января 2000 г. я стала работать в Институте анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики. При этом ранее я сотрудничала со Школой, делая отдельные проекты с директором Института А.А. Яковлевым. В «Вышке» существенное увеличение контактов с Ясиным произошло с середины 2002 г., когда Евгений Григорьевич стал инициировать крупные исследовательские проекты, предполагавшие сбор эмпирических данных, привлекая сотрудников Института. Потом я стала членом совета по защите диссертаций, возглавляемых Ясиным, а также участником экспертной группы при формировании программ нашей Апрельской конференции — любимого детища Евгения Григорьевича.

Я не слушала лекции Ясина в университете, не писала под его руководством диплом или диссертацию. Но в понятие «ученик» я вкладываю влияние на область и характер научных исследований, и потому частично считаю себя его ученицей (надеюсь, он не будет сильно возражать?). Ведь моя монография 1995 г. о поведении российских предприятий в переходных условиях и докторская диссертация отталкивались от идей Евгения Григорьевича, которые в советское время не могли быть полноценно реализованы. В принципе я не считаю, что научные взгляды учителя и ученика должны обязательно совпадать, особенно в динамике. Можно воспринять методы и организацию работы, можно получить в подарок идею, но выводы ученик делает сам — и сам несет за них ответственность.

Я полагаю, что Е.Г. Ясин скорее либеральный экономист, но очень важно, что не догматик. В основе представлений многих молодых экономистов либерального направления лежат догмы экономической теории и — пусть уж меня простят — ее заблуждения. Евгений Григорьевич, обладая колоссальным опытом академической и практической деятельности, хорошо знает статистические и эмпирические данные, опирается в своих исследованиях и рекомендациях на них, а не на умозрительные рассуждения (чего многие экономисты не научились делать до сих пор). Для него характерно наличие широкой обратной связи с коллегами-учеными: он в курсе многих последних работ не только экономистов, но и социологов, юристов, психологов, и для меня загадка — как можно все это не упустить? Он постоянно контактирует с представителями бизнеса (которые с готовностью откликаются на его просьбы участвовать в исследованиях или семинарах), руководителями ведомств и зарубежными экспертами. Все, кто работал с Ясиным, — знают, что он открыт для новых идей, не боится развивать и корректировать свои представления. Поэтому для меня он — либеральный экономист с высокой степенью здравого смысла.